

НАСЛЕДНИК. БРАК ПО ПРИНУЖДЕНИЮ 2

АЛЕКСАНДР КОЛЮЧИЙ

Александр Лобачев (Колючий)

**Наследник. Брак
по принуждению 2**

«Литнет»

2026

Лобачев (Колючий) А.

Наследник. Брак по принуждению 2 / А. Лобачев (Колючий) —
«Литнет», 2026

Казалось, наш персональный ад закончился. Главный враг разоблачен, долги отца закрыты, а моя сестра в безопасности. Я поверила, что рядом с Русланом Волковым смогу наконец-то начать жить, а не выживать, и что наш брак по принуждению стал чем-то настоящим. Но в мире безжалостных хищников счастливых финалов не бывает. Загнанный в угол Завьялов нанес новый удар — самый подлый и болезненный. Теперь в его руках жизнь невинной девушки, а мишенью стал Макар, брат Руслана. Охота началась снова. И на этот раз никаких правил, никаких контрактов и юридических уловок. Только чистая месть. Чтобы спасти семью, нам придется спуститься в самую тьму. Но Завьялов забыл одну вещь: я больше не испуганная пешка в чужой игре. Я — законная жена главы клана Волковых. И я никому не позволю уничтожить то, что мне дорого. Каждые 15 лайков - новая глава! Первая книгу --->>>

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Глава 1

Тишина в кабинете Руслана Волкова кажется мне физически осязаемой, тяжелой и вязкой, словно я стою на дне глубокого колодца, заполненного жидким бетоном. Стены, обитые темным деревом, давят со всех сторон, а панорамное окно за спиной открывает вид на серую, равнодушную Москву, которая только что переживала мою жизнь и выплюнула остатки прямо на этот дорогой ковер. В руках я всё еще сжимаю те проклятые листы из синей папки — фотографии моего отца, живого, измученного, запертого в какой-то железной клетке. Мой мир, который я пыталась склеить из осколков после его «смерти», окончательно превратился в пыль под тяжелыми сапогами ОМОНа.

Всё ложь.

Я медленно поднимаю взгляд и встречаюсь с собственным отражением в массивном зеркале в золоченой раме, висящем напротив массивного дубового стола. Женщина, которая смотрит на меня оттуда, кажется мне совершенно незнакомой: бледная, с лихорадочно блестящими глазами и растрепанными волосами, она выглядит как жертва кораблекрушения, выброшенная на берег в самом центре враждебного мегаполиса. Мои руки дрожат так сильно, что бумаги выпадают из пальцев, разлетаясь по полу белыми надгробиями моей наивности. Я ненавижу себя за эту слабость, за эти слезы, которые продолжают жечь щеки, за ту странную, болезненную привязанность, которую я начала чувствовать к Руслану.

– Та Алиса умерла, – шепчу я пересохшими губами, и мой голос звучит чужой, надломленный и пугающе холодный. – Она осталась там, на пристани, под дождем.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь унять этот колокольный звон в ушах, и мой взгляд падает на спинку кресла, где висит забытый Русланом строгий черный пиджак из тончайшей шерсти. Я подхожу к нему медленно, словно к заряженному оружию, и провожу ладонью по гладкой ткани, чувствуя, как от нее исходит его аромат — этот дурманящий и терпкий табак, ставшие моим проклятием. Я снимаю пиджак с вешалки и накидываю его на свои плечи поверх тонкого, испачканного платья, ощущая его неожиданную, защитную тяжесть. Он слишком велик мне в плечах, он пахнет властью и кровью, но в эту секунду он становится моей единственной броней против мира, который жаждет моей гибели.

Я теперь — Волкова.

Это осознание впивается в мозг раскаленным гвоздем, принося с собой не облегчение, а ледяную, расчетливую ярость, которая выжигает остатки страха в моей душе. Я подхожу к столу, хватаю тюбик ярко-красной помады, оставленный кем-то из его многочисленных посетительниц или, быть может, купленный мною в другой жизни, и одним резким движением крашу губы. Цвет кажется мне слишком вызывающим, почти кровавым на фоне моей мертвенной бледности, но именно это мне сейчас и нужно — маска, за которой никто не увидит моего отчаяния. Я стираю остатки слез тыльной стороной ладони, оставляя на коже красные разводы, и выпрямляю спину так сильно, что позвоночник начинает ныть.

– Мы уничтожим их всех, папа, – обещаю я пустому кабинету, и в моем взгляде больше нет места для милосердия.

Дверь кабинета распахивается без стука, и на пороге появляются двое мужчин, чье присутствие в этой крепости теперь кажется мне единственным залогом выживания. Тимур, как всегда, напоминает монолитную скалу: его лицо непроницаемо, а рука привычно лежит на рукояти пистолета, скрытого под пиджаком. Рядом с ним стоит Макар, и в его обычно бесшабашных глазах сейчас плещется темная, опасная тревога, смешанная с нескрываемым удивлением при виде моего нового облика. Они замирают, глядя на меня — на девчонку в огромном мужском пиджаке с кроваво-красными губами, которая стоит на месте их арестованного лидера.

– Машины готовы, Алиса, – глухо произносит Тимур, и его голос вибрирует от скрытого напряжения. – Совет директоров в сборе. Они уже делят шкуру Руслана, уверенные, что он не вернется из-под стражи.

– Пусть делят, – я усмехаюсь, и эта усмешка больше похожа на оскал раненого зверя. – Им понравится мой подарок.

– Ты уверена, что хочешь войти туда сейчас? – Макар делает шаг вперед, его голос звучит непривычно мягко, почти сочувственно. – Артур там, он завел своих людей. Это может превратиться в бойню.

Я смотрю на него в упор, и Макар инстинктивно отводит взгляд, словно я только что ударила его наотмашь своим ледяным спокойствием. Внутри меня всё кричит от ужаса, сердце бьется о ребра в безумном ритме, но внешне я остаюсь неподвижной статуей, высеченной из черного мрамора. Я понимаю, что если я сейчас дам слабину, если хоть один мускул на моем лице дрогнет, они разорвут меня на части еще до того, как я успею открыть рот. Я — жена Волковых, и я не позволю этим шакалам топтать то, что принадлежит моему мужу и моей сестре.

– Идемте, – бросаю я и выхожу из кабинета, не оглядываясь.

Путь к залу заседаний кажется мне бесконечным коридором в зазеркалье, где каждый охранник и каждый клерк провожает нас недоуменным, почти испуганным взглядом. Тимур и Макар следуют за мной по пятам, их тяжелые шаги эхом отдаются от глянцевых стен, создавая иллюзию приближающейся грозы, которая вот-вот разразится над этим офисом. Я чувствую, как адреналин затапливает мои вены, превращая страх в чистую, концентрированную энергию, готовую взорваться в любой момент. Мы останавливаемся перед массивными дверями из матового стекла, за которыми слышны приглушенные, яростные споры и звон хрустальных графинов.

Я толкаю двери обеими руками.

Шум в зале заседаний обрывается мгновенно, словно кто-то резко нажал кнопку отключения звука, оставляя лишь звенящую, удушливую тишину, в которой слышно только мое дыхание. Десятки мужчин в дорогих костюмах, эти акулы столичного бизнеса, замирают на своих местах, уставившись на меня с нескрываемым презрением и шоком. В самом центре длинного стола, на массивном кресле Руслана, вальяжно раскинулся Артур Завьялов, вертя в пальцах тяжелую золотую зажигалку с гравировкой клана. Его лицо искажается гримасой торжествующего высокомерия, когда он видит меня, маленькую фигурку в чужом пиджаке, посмевавшую прервать его триумф.

– О, посмотрите-ка, вдова пришла поплакать на плече у профессионалов, – Завьялов раздражается хриплым, лающим смехом, который подхватывают несколько его прихлебателей. – Алиса, детка, ты ошиблась дверью. Кухня и спальня в другой стороне.

– Встань с этого кресла, Артур, – мой голос звучит удивительно ровно, прорезая тишину зала, как острая бритва прорезает шелк.

Завьялов замирает, его глаза сужаются до тонких щелей, в которых вспыхивает холодная, змеиная злость, перемешанная с недоумением от моей дерзости. Он медленно поднимается, опираясь ладонями о полированную поверхность стола, и я вижу, как напрягаются его плечи под тонкой тканью пиджака. Весь зал затаил дыхание, ожидая, что этот монстр сейчас сотрет меня в порошок одним словом, но за моей спиной, как два грозных стража, встают Тимур и Макар. Воздух в помещении становится настолько густым, что его, кажется, можно резать ножом, и запах чужого страха начинает смешиваться с ароматом дорогого парфюма.

– Ты что-то попутала, девочка, – цедит Артур, делая шаг в мою сторону. – Твой муж — уголовник и убийца, который сгниет в тюрьме. Ты здесь никто.

– Ошибаетесь, господин Завьялов, – из тени за моей спиной выходит юрист клана, бледный мужчина в безупречном сером костюме, держащий в руках кожаную папку. – Руслан

Викторович предвидел подобное развитие событий. Перед отъездом он подписал пакет документов, наделяющий Алису Михайловну полномочиями генерального директора с правом единоличного принятия решений в его отсутствие.

– Это подделка! – взрывается Завьялов, с размаху ударяя кулаком по столу так, что подпрыгивают графины. – Он не мог этого сделать! Он не доверяет бабам!

– Документы нотариально заверены и уже внесены в реестр, – юрист невозмутимо протягивает Артуру копию, и я вижу, как пальцы Завьялова дрожат, когда он вырывает бумагу из его рук. – Алиса Волкова — законный глава корпорации. И первое, что она сделала — аннулировала ваш пропуск в это здание.

Артур быстро пробегает глазами по строчкам, и его лицо на глазах наливается багровой, апоплексической яростью, превращая его в карикатуру на самого себя. Он сминает документ в кулаке и швыряет его мне в лицо, но Тимур делает неуправляемое движение рукой, перехватывая бумажный комок в воздухе. В зале поднимается гул голосов: директора шепчутся, бросая на меня косые, оценивающие взгляды, понимая, что правила игры изменились за долю секунды. Я чувствую, как по спине пробегает холодок, но продолжаю смотреть Завьялову прямо в глаза, не позволяя себе даже моргнуть.

– Вон из этого кабинета, Артур, – повторяю я, и на этот раз мой голос звучит как приговор.

По моему едва заметному кивку за спинами директоров вырастают бойцы Тимура. Воздух наполняется сухим, синхронным лязгом снимаемых с предохранителей автоматов. Эти старые акулы бизнеса, привыкшие всё решать звонками и взятками, мгновенно бледнеют, осознавая реальность. Они подчиняются не нотариальной доверенности. Они подчиняются грубой, первобытной силе, которую я сейчас олицетворяю.

– Ты пожалеешь об этом, сука, – шепчет он, наклоняясь ко мне так близко, что я чувствую запах коньяка и его гнилого дыхания. – Ты и твоя сестренка сдохнете в канаве раньше, чем Волков выйдет на свободу. Я уничтожу всё, что тебе дорого.

– Тимур, выведи мусор, – бросаю я, отворачиваясь от него, словно от назойливого насекомого, хотя внутри меня всё содрогается от его угрозы.

Тимур делает шаг вперед, и Завьялов, осознав, что численный перевес не на его стороне, сплевывает на ковер и направляется к выходу, толкая плечом Макара. Его люди следуют за ним, бросая на нас злобные взгляды, и когда тяжелые двери за ними захлопываются, в зале воцаряется странная, выжидающая тишина. Я медленно обхожу стол, чувствуя на себе взгляды десятков пар глаз, и сажусь в кресло Руслана — оно всё еще хранит его тепло и этот проклятый запах. Ощущение такое, будто я заняла трон на вершине вулкана, который может начать извержение в любую секунду.

– Заседание окончено, – произношу я, глядя на притихших директоров. – Все свободны. Тимур, останься.

Они выходят молча, понутив головы, словно побитые псы, понимая, что сегодня их планы на легкую наживу рухнули под натиском девчонки, которую они не принимали в расчет. Когда в зале остаемся только мы троим, я чувствую, как маска спокойствия начинает трескаться, и меня накрывает волна такой сильной дрожи, что я вынуждена вцепиться в подлокотники кресла. Слезы снова подступают к глазам, но я сглатываю их, глядя на Тимура, который стоит напротив меня, ожидая распоряжений с какой-то новой, незнакомой мне раньше долей уважения.

– Руслан действительно это сделал? – шепчу я, глядя на свои руки. – Он доверил мне всё это?

– Он знал, что ты единственная, кто не предаст, – Тимур кивает, и в его суровом взгляде проскальзывает тень чего-то похожего на гордость. – Что нам делать дальше, босс?

Я поднимаю голову, и в моих глазах вспыхивает тот самый огонь одержимости, который я видела у Руслана на пристани, когда он шел спасать меня. Теперь моя очередь спасать тех, кто мне дорог, и я не остановлюсь ни перед чем, даже если мне придется сжечь этот город дотла. Я вспоминаю фотографию из синей папки, изможденное лицо отца и те решетки, за которыми его держат, словно зверя в цирке. Больше никакой защиты, больше никакой игры по правилам — наступает время настоящей охоты, где я буду главным хищником.

– Найдите моего отца, – мой голос звучит твердо и беспощадно. – Прямо сейчас. Задействуйте всех людей, все связи, все деньги. Я хочу знать, в каком именно подвале Завьялов или Руслан прячут его от меня. И если кто-то встанет у вас на пути — устраняйте без предупреждения.

– Будет исполнено, Алиса Михайловна, – Тимур коротко кланяется и выходит из зала, оставляя меня одну в огромном, холодном помещении.

Я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза, чувствуя, как кожа Руслана обнимает меня, даруя призрачную надежду на спасение в этом океане лжи. Завтра будет новый день, полная опасностей и крови война, но сегодня я сделала свой первый ход, и этот ход был ферзем. Я — Алиса Волкова, и я клянусь, что этот город запомнит мое имя надолго, как имя женщины, которая не побоялась бросить вызов самим монстрам. Тишина в зале заседаний теперь кажется мне не пугающей, а триумфальной, предвещающей бурю, которую я сама и возглавлю.

Глава 2

Ледяной воздух тюремного коридора пропитан запахом дешевой хлорки и застарелого мужского пота. Я иду вперед, и каждый шаг моих высоких каблуков по шербатому серому бетону отдается в ушах оглушительным выстрелом. В этом гулком, пустом пространстве звук кажется неестественно громким, торжествующим и зловещим одновременно. Я чувствую, как взгляды конвоиров сверлят мою спину, но не оборачиваюсь, сохраняя идеальную осанку, которой меня учили в прошлой, солнечной жизни. На моих плечах — тяжелый черный пиджак Руслана. Он всё еще хранит его фирменный аромат терпкого парфюма, дорогого табака и чистой мужской силы, окутывая меня призрачной броней

Я теперь — Волкова.

Мои пальцы, побелевшие от напряжения, мертвой хваткой вцепились в синюю пластиковую папку. Внутри — приговор моему сердцу и доказательство его бесконечной жестокости. Фотография моего отца, живого, но сломленного, запертого в железной клетке, жжет мне ладони даже через слой пластика. Паника, но я подавляю её, заменяя чистой, концентрированной яростью. Я пришла сюда не просить, я пришла судить своего палача, который превратил мою жизнь в бесконечный сериал из боли и лжи.

— Сюда, Алиса Михайловна. Пять минут, — бросает охранник, лязгая тяжелым засовом.

Комната для свиданий встречает меня тусклым светом единственной лампы под потолком и массивным столом, привинченным к полу. Воздух здесь кажется густым, как кисель, и я с трудом заставляю себя сделать вдох, чувствуя, как к горлу подступает горькая тошнота. Я сажусь на жесткий стул, расправляя полы мужского пиджака, и смотрю на бронированную дверь напротив. Каждая секунда ожидания впивается в мой мозг раскаленным гвоздем, заставляя сердце биться в безумном, рваном ритме. Я кусаю губы, чувствуя вкус помады — кроваво-красной, вызывающей, ставшей моим боевым раскрасом в этой войне.

Дверь распахивается с противным скрежетом.

Его вводят под конвоем, и на мгновение у меня перехватывает дыхание, а мир вокруг начинает вращаться в безумном танце. Руслан Волков в бесформенной оранжевой тюремной робе — зрелище, которое должно было принести мне облегчение, но вместо этого оно прошибает меня электрическим током. Даже в этих унизиительных обноски, со скованными за спиной руками, он выглядит как хищник, временно запертый в клетке, но не утративший своей смертоносной грации. Его плечи развернуты, голова вскинута, а в глазах по-прежнему горит тот самый стальной, невыносимый огонь власти.

Он смотрит на меня.

Этот взгляд — оценивающий, лишаящий воли — заставляет мелкие волоски на моих руках встать дыбом от первобытного страха. Руслан медленно опускается на стул напротив, и я слышу металлический звон цепей, который звучит для меня как самая прекрасная музыка возмездия. Он не выглядит сломленным или испуганным, его лицо остается каменной маской, на которой не отражается ни тени раскаяния за содеянное. Он скользит взглядом по моему лицу, задерживается на ярко-красных губах и переходит на свой пиджак, наброшенный на мои хрупкие плечи.

— Тебе идет власть, Алиса, — его голос звучит низко, с едва уловимой хрипотцой, от которой внутри меня всё болезненно сжимается. — В этом пиджаке ты кажешься старше и... опаснее.

— Заткнись, Руслан! — мой крик срывается на хрип, и я чувствую, как слезы ярости застилают глаза. — Как ты мог? Как ты мог целовать меня, зная, что мой отец гниет в твоём подвале?

Я резким, рваным движением выхватываю фотографию из папки и с силой швыряю её через стол, прямо под его скованные руки. Снимок падает на серый пластик, и изможденное лицо моего отца кажется немим укором всему тому безумию, что произошло между нами. Я

жду, что он отведет взгляд, что он начнет оправдываться или лгать, но Руслан лишь медленно склоняет голову, изучая изображение с пугающим, ледяным спокойствием. В комнате воцаряется такая тишина, что я слышу, как бешено колотится кровь в моих висках, отдаваясь набатом.

Монстр. Бездушная машина.

– Где он? – я подаюсь вперед, впиваясь ногтями в край стола так сильно, что под пальцами начинает трещать дешевое покрытие. – Назови мне адрес этого гребаного терминала прямо сейчас! Я клянусь, если с его головы упадет хоть один волос, я лично прослежу, чтобы ты никогда не вышел отсюда живым. Я уничтожу всё твоё наследство, я раздам твои деньги нищим, я сожгу твой клан до основания, слышишь меня?

Руслан поднимает на меня глаза, и я замираю от того, что вижу в их глубине — там нет издевки, нет злости, там только бесконечная, черная тоска и странное облегчение. Он смотрит на меня так, словно я — единственное живое существо в этом бетонном мешке, словно он видит меня в последний раз и пытается запомнить каждую черточку. Его губы трогает едва заметная, горькая усмешка, которая бесит меня больше, чем любые слова, заставляя ярость внутри кипеть с новой силой.

– Алиса, не верь глазам. Завьялов играет тобой, как послушной марионеткой, – его шепот едва различим, он вибрирует в воздухе, заставляя меня прислушиваться. – Ты видишь только то, что он хочет тебе показать. Этот снимок — наживка, на которую ты клюнула, едва он показал тебе тень надежды. Если ты сейчас сделаешь то, что он требует, если передашь ему коды доступа... ты убьешь нас всех. И отца, и Соню, и себя.

– Ты лжешь! – я вскакиваю со стула, и он с грохотом падает на пол, но мне плевать на шум и на окрики охраны за дверью. – Адвокат Завьялова показал мне отчеты, я видела твою подпись под приказами о перевозке пленника! Ты держал его там, как собаку, Руслан! Ты использовал меня, чтобы добраться до его счетов, а теперь пытаешься выставить себя жертвой?

Руслан делает резкое движение, насколько позволяют короткие цепи наручников, и наклоняется над столом, сокращая расстояние между нами до минимума. Я чувствую жар, исходящий от его тела, и его дыхание на своей коже — тяжелое, прерывистое, пахнущее тюремной похлебкой и отчаянием. В этот момент он кажется мне не королем в изгнании, а раненым зверем, который загнан в угол, но всё еще готов перегрызть глотку любому, кто подойдет слишком близко.

– Слушай меня очень внимательно, потому что второго шанса у нас не будет, – он ждет каждое слово, впиваясь своим взглядом в мой мозг. – В моей структуре есть человек, которого называют 'Призрак'. Только он знает, где твой отец на самом деле, потому что именно он отвечал за его безопасность... от Завьялова. Ищи его в старом порту, на складе номер семь. И Алиса... увози Соню из города немедленно. Артуру нужна не компания. Ему нужна кровь Волковых, чтобы закрыть старый долг.

– Какую кровь? О чем ты говоришь? – я пытаюсь схватить его за руку, но пальцы натыкаются на холодную сталь наручников.

– Время вышло! – дверь распахивается, и двое дюжих охранников влетают в комнату, хватая Руслана за плечи. – Свидание окончено! Пошел, Волков, не заставляй применять силу!

Его грубо дергают назад, и он поднимается, не сводя с меня своего пылающего взгляда, в котором я теперь отчетливо вижу предупреждение и... любовь? Это безумие, это невозможно, я не могу любить человека, который разрушил мою семью, но мое тело предательски отзывается на его близость. Я стою, тяжело дыша, и смотрю, как его уводят в темноту коридора, и звук его шагов постепенно затихает, оставляя меня в этой душливой тишине один на один с моей ненавистью.

Я одна. Снова.

Я медленно опускаюсь на пол, чувствуя, как силы покидают меня, и пиджак Руслана соскальзывает с моих плеч, падая на грязный бетон. В руках у меня всё еще зажата та самая

фотография, я смотрю на неё сквозь пелену слез, и вдруг замечаю нечто странное на обратной стороне снимка. Там, в самом углу, едва заметным мелким шрифтом нацарапан какой-то код, состоящий из цифр и букв, который я не видела раньше, когда рассматривала фото в офисе.

Что это?

Мои пальцы дрожат, когда я провожу по этим царапинам, ощущая их шероховатость — это не типографская печать, это было нацарапано иглой или чем-то острым совсем недавно. Это не может быть случайностью. Это послание. Руслан знал об этом коде? Или это Завьялов оставил мне подсказку, которую я должна была найти только сейчас, когда останусь без защиты своего мужа-монстра?

Пульс бьёт в висках набатом.

Я вскакиваю на ноги, подхватываю папку и пиджак, и почти бегом бросаюсь к выходу из тюрьмы, не обращая внимания на удивленные взгляды персонала. Мне нужно к Тимуру. Мне нужно расшифровать этот код, чего бы мне это ни стоило, потому что в этих цифрах может быть зашифрована жизнь моего отца. Я вылетаю на улицу, под холодный осенний дождь, который мгновенно смывает с моего лица остатки красной помады, превращая её в кровавые потеки.

Игра только начинается.

Я сажусь в машину, где меня ждет Тимур, и протягиваю ему снимок, чувствуя, как внутри меня рождается новая, холодная и расчетливая Алиса, готовая идти до конца. Впереди — склад номер семь, человек по имени Призрак и правда, которая может либо освободить нас, либо окончательно похоронить под обломками империи Волковых. Я сжимаю руль так сильно, что костяшки пальцев белеют, и нажимаю на газ, уносясь прочь от этой тюрьмы, где осталась часть моей души и мой единственный враг, которого я так и не смогла перестать желать.

Глава 3

Серверная в штаб-квартире Волковых напоминает чрево огромного цифрового зверя. Ряды черных стоек гудят низким, вибрирующим басом, а тысячи крошечных синих и зеленых светодиодов мигают в бешеном, ритмичном танце, от которого рябит в глазах. Воздух здесь искусственно охлажден, он заставляет волосы на моих руках вставать дыбом. Я стою, ссутулившись, в тяжелом черном пиджаке Руслана, который кажется мне свинцовым панцирем, защищающим от этого холодного, враждебного мира.

Мое сердце — пойманная птица.

Макар сидит за главным терминалом, его пальцы летают по механической клавиатуре, и щелчки клавиш звучат как быстрая стрельба в этой стерильной тишине. Он выглядит измотанным, тени под его глазами темные, как старые синяки, но взгляд остается лазерно-острым, почти хищным.

— Кто такой этот 'Призрак', Макар? Руслан упоминал его в тюрьме, — шепчу я, наклоняясь ближе к мерцающему экрану. Мой голос звучит тонко и ломко, отражаясь от металлических поверхностей.

— Это легенда, Алиса. Призрак в машине, — бормочет Макар, не отрывая взгляда от кода. — Хакер, который работал на нашего отца годами. Он исчез в ту самую ночь, когда старик погиб. Мы думали, его убрали или он продался Завьялову.

Я достаю смятую фотографию из синей папки. Мои пальцы касаются шершавых царапин на обратной стороне — тех самых зашифрованных символов, которые сейчас кажутся единственной соломинкой над бездной.

— Посмотри на это. Я нашла это на обороте снимка, который мне подбросил адвокат Завьялова, — я протягиваю ему бумагу, чувствуя, как дрожат кончики моих пальцев.

Макар замирает, перехватывая фото рукой, которая тоже едва заметно подрагивает. Он шурится, разглядывая крошечные метки, и я вижу, как выражение его лица меняется от недоумения к пугающему, осознанному ужасу. Он проводит большим пальцем по коду, и желваки на его челюсти начинают ходить ходуном. Это не просто шум, это послание из того прошлого, о котором я не имела ни малейшего представления.

— Боже... это семейный шифр. Старый 'военный код' отца, — выдыхает он, и в его голосе слышится благоговейный трепет. — Это не просто цифры, Алиса. Это GPS-координаты, замаскированные под мусор.

Внутри меня образуется вакуум.

Если это семейный код, значит, Завьялов либо не знал о нем, либо намеренно скормил его мне, считая, что мы никогда его не взломаем. Макар быстро вводит последовательность в дешифратор, и экран на мгновение заливается кроваво-красным светом.

Доступ разрешен.

— Пока программа работает, давай посмотрим, чем на самом деле занимался мой старший братец, — говорит Макар, и его голос падает до заговорщицкого рыка. Он обходит три уровня защиты с легкостью человека, который провел юность, нарушая правила и взламывая запретные двери. Внезапно личная почта Руслана выплескивается на монитор каскадом имен, дат и вложенных файлов. Я ожидаю увидеть там grossesбухи с кровавыми деньгами, приказы об устранении конкурентов или доказательства его предательства по отношению к моему отцу.

— Ищи по фамилии 'Скворцов', — приказываю я, и мое дыхание перехватывает в горле от предчувствия чего-то непоправимого.

Результаты заполняют экран мгновенно: сотни писем, отправленных частным детективам в Цюрих, Лондон, Сингапур. Вложения с медицинскими отчетами о редких пороках сердца и протоколами экспериментальных операций для детей.

Для моей Сони.

Я прокручиваю сообщения, и осознание обрушивается на меня безжалостной лавиной, погребая под собой всю мою ненависть. Руслан не выслеживал моего отца, чтобы убить его; он искал 'синюю папку', потому что в ней были доказательства того, что именно Завьялов подстроил банкротство. Он искал способ спасти моего отца, вытащить его из той ямы, в которую его бросили. Он не был монстром под моей кроватью; он был тем, кто пытался сжечь эту кровать, чтобы я была в безопасности.

– Он... он пытался найти врача для Сони еще несколько месяцев назад? – шепчу я, и мои глаза застилают пелена непролитых слез. – Еще до того, как мы вообще встретились?

– Руслан может быть кем угодно, Алиса, но он не лжец, – тихо говорит Макар, не глядя на меня. – Он вел эту призрачную войну ради тебя, пока ты его проклинала.

Тяжелая стальная дверь серверной с шипением отъезжает в сторону. Я резко разворачиваюсь, и моя рука инстинктивно ложится на кобуру на бедре — холодный, непривычный вес, которого я всё еще до смерти боюсь.

В дверях стоит Игорь.

Заместитель Тимура входит расчетливой, бесшумной походкой, и его лицо кажется маской профессионального безразличия. Я видела его каждый день с тех пор, как вошла в дом Волковых: он открывал мне двери машины, он стоял на часах, пока я спала. Я доверяла ему. Но когда синий свет серверов падает на его лицо, я вижу тусклый блеск глушителя, направленного прямо в грудь Макара.

– Отойди от консоли, Макар. Живо, – командует Игорь, и его голос звучит плоско, лишенный даже тени того уважения, которое он обычно имитировал.

– Игорь? Какого черта ты творишь? – рычит Макар, его руки замирают над клавиатурой в паре сантиметров от финала расшифровки.

– Завьялов платит лучше, чем человек за решеткой, – усмехается предатель, и его взгляд переключается на меня, становясь сальным и мерзким. – А вы, госпожа Волкова... вы идете со мной. Артурыч хочет вернуть свою собственность.

Собственность. Вот кто я для них.

Паника липкими щупальцами впивается в мое горло, лишая способности дышать. Я смотрю на ствол пистолета, потом на Макара — он безоружен, пойман в ловушку посреди процесса взлома. Если я ничего не сделаю прямо сейчас, мы оба погибнем, а координаты моего отца исчезнут навсегда вместе с нашей надеждой.

– Он убьет тебя в ту же секунду, как ты меня доставишь, Игорь, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал, хотя колени подкашиваются. – Ты сам знаешь, как работает Завьялов. Ему не нужны лишние свидетели его грязи.

Я делаю осторожный шаг вперед, пряча руку за складками огромного пиджака Руслана. Мои пальцы нащупывают холодный металл маленькой 'Беретты', которую Тимур дал мне 'на всякий случай'. Мое сердце колотится так сильно, что, кажется, Игорь может услышать его через гул охлаждающих вентиляторов. Мне нужно быть быстрой. Мне нужно стать тем человеком, которым Руслан меня считает.

– Брось пушку, Игорь, или я клянусь, я разряжу в тебя всю обойму, – шиплю я, выхватывая оружие.

Мои руки ходят ходуном.

Игорь издает сухой, дребезжащий смешок, явно не принимая меня всерьез. Он думает, что у меня не хватит духу; думает, что я всё та же девчонка, рыдающая под дождем. Он начинает переводить прицел на меня, и его палец на спусковом крючке напрягается.

Всё происходит в смазанном пятне движения и шума. Прежде чем Игорь успевает выстрелить, Макар резко ныряет в сторону, швыряя тяжелый металлический стул прямо в ноги предателя. Я не думаю. Я просто нажимаю на спуск. Звук выстрела приглушен супрессором

— резкий 'твип', который разносит в щепки стеклянную панель одного из серверных шкафов. Игорь вскрикивает, хватаясь за плечо, и Макар оказывается рядом с ним в одно мгновение, сбивая его с ног и впечатывая его голову в решетчатый пол с тошнотворным стуком.

Тишина возвращается. Тяжелая. Удушливая.

Игорь лежит без сознания, и темная лужа крови медленно расплывается под ним на рифленом металле. Я роняю пистолет, и мой вдох вырывается рваным, хриплым всхлипом. Я только что выстрелила в человека. Я только что переступила черту, за которой нет возврата к прежней Алисе.

— Ты цела? — тяжело дыша, спрашивает Макар, поднимаясь на ноги и вытирая разбитые костяшки пальцев о джинсы.

— Я... кажется, да, — шепчу я, глядя на свои ладони, которые всё еще вибрируют от отдачи.

— Мы успели? Код расшифрован?

Макар поворачивается к монитору, где полоса загрузки застыла на отметке в сто процентов. Карта окраин Москвы расцветает на экране, и красная точка пульсирует, как живое сердце, в густом лесном массиве. Это частная психиатрическая клиника под названием 'Тихий берег'. На бумаге она принадлежит благотворительному фонду, но серверные следы уводят через дюжину подставных фирм напрямую к личным офшорным счетам Артура Завьялова.

Мой папа там.

— Это не больница, Алиса. Это дыра, в которой люди исчезают навсегда, — мрачно говорит Макар, распечатывая карту. — Нам нужно уходить. Сейчас же. Пока Завьялов не понял, что Игорь провалился.

Я хватаю распечатку, и бумага хрустит в моем кулаке. Я бросаю последний взгляд на экран — на письма Руслана, на доказательства того, что он пытался спасти мою семью, пока я планировала его падение. Волна вины и яростной, обжигающей решимости накрывает меня с головой. Я вытащу своего отца. А потом я вытащу своего мужа из той клетки, в которую он попал из-за моей глупости.

Чего бы мне это ни стоило.

Глава 4

Шелк платья-футляра холодит кожу, словно чешуя мертвой змеи. Я смотрю в зеркало и не узнаю ту девушку, что отражается в золоченой раме. Кроваво-красная помада кажется раной на бледном лице, а взгляд... взгляд стал колючим, непроницаемым. В нем больше нет тепла той Алисы, которая мечтала о сессиях и прогулках в парке. Есть только холодная пустота.

Кто я теперь?

Под плотной тканью на левом бедре, там, где заканчивается кружево белья, режет кожу узкое стальное лезвие. Тонкий нож в чехле — мой последний аргумент, если всё пойдет к чертям. А на ребрах, прямо под сердцем, приклеен пластырем крошечный микрофон. Он давит, мешает дышать, напоминая о каждом вдохе, который может стать последним. Я должна быть идеальной актрисой. Я должна выманить правду из этого чудовища, пока Макар и Тимур прорываются к отцу.

– Ты готова? – голос Тимура в наушнике звучит глухо, с помехами.

– Да, – шепчу я, поправляя вырез платья. – Выезжаю.

Ресторан «Аврора» встречает меня звенящей роскошью и запахом лилий, который в этом полумраке кажется ароматом похоронного бюро. Тяжелые портьеры отсекают звуки города, оставляя нас в стерильном вакууме богатства и порока. Артур Завьялов уже ждет. Он сидит за угловым столиком, вальяжно раскинувшись в кресле, и потягивает янтарную жидкость из тяжелого стакана. Его взгляд мазнул по моим ногам, поднимаясь выше, и я физически ощущаю, как по спине пробегает липкий холод.

Он хищник.

– Алиса, деточка, ты выглядишь... вдохновляюще, – он поднимается, демонстрируя безупречный крой дорогого костюма. – Брак с Волковым явно пошел тебе на пользу. Ты обрела этот опасный блеск в глазах, который так заводит мужчин.

– Не знала, что тебя интересует мой блеск, Артур Эдуардович, – я сажусь напротив, стараясь, чтобы руки не дрожали. – Я думала, нас связывают только долги и старые счета моего отца.

– О, долги – это лишь формальность, – он усмехается, и эта улыбка не достигает его пустых глаз. – Мы здесь, чтобы решить твоё будущее. Пока Руслан прохлаждается в СИЗО, его империя начинает крошиться. И ты, как законная жена, держишь в руках ключи от главного сейфа. Подпиши бумаги на передачу акций «Волков Групп» моему фонду, и твой отец вернется домой через час.

Сердце делает болезненный кувырок, ударяясь о ребра.

– Как я могу тебе верить? – мой голос звучит надломленно, именно так, как он хочет слышать. – Ты уже обманул меня однажды. Ты сказал, что он мертв.

Завьялов наклоняется вперед, и я чувствую его приторный парфюм — смесь дорогого табака и чего-то сладковато-гнилостного. Он достает из папки планшет и разворачивает его ко мне. На экране — видео в реальном времени. Серая комната, койка, и мой отец... Он сидит, обхватив голову руками. Он жив. Но выглядит так, будто из него выпили всю душу. К горлу подступает горькая тошнота, и я сжимаю кулаки под столом, вонзая ногти в ладони.

– Видишь? Он в безопасности. Пока что, – Артур делает глоток виски. – «Тихий берег» — очень закрытое заведение. Там отличные врачи, но они умеют не только лечить, Алиса. Если ты подпишешь, я дам команду на выписку. Если нет... ну, несчастные случаи в психиатрических клиниках — дело обыденное.

– Ты монстр, – выдыхаю я, глядя ему прямо в глаза.

– Я бизнесмен, дорогая. А Руслан... он просто переоценил свои силы. Думал, что сможет защитить тебя и при этом сохранить корону. Глупец.

Он подвигается ближе, и его рука накрывает мою ладонь на скатерти. Пальцы у него сухие и горячие, как у больного лихорадкой. Я заставляю себя не отдернуть руку, хотя внутри всё кричит от омерзения. В этот момент я отчетливо понимаю Руслана. Я чувствую ту самую холодную, расчетливую ярость, которая всегда горела в его глазах. Она просыпается во мне, заполняя вены ледяным свинцом. Я больше не жертва. Я часть его мира.

– Скажи мне, Артур, – я склоняю голову, имитируя покорность. – Это ведь ты подставил его? Те документы, из-за которых его взяли при конвоировании... это твоих рук дело?

– Какая теперь разница? – он самодовольно ухмыляется, расслабляясь под действием алкоголя и чувства собственного превосходства. – Руслан был слишком самоуверен. Он думал, что зачистил всех свидетелей по делу твоего отца. Но он забыл, что я всегда на шаг впереди. Да, я скормил следствию нужные папки. И пока он гниет за решеткой, я заберу всё, что он любит. Начиная с компании и заканчивая тобой.

Его пальцы сжимаются сильнее, и он проводит большим пальцем по моему запястью, напоминая о «долге». В его взгляде вспыхивает сальное, похотливое желание, которое заставляет меня похолодеть. Я чувствую вес ножа на бедре. Одно движение, и я смогу вскрыть ему вену прямо здесь, под этой чертовой белоснежной скатертью. Но я жду. Макар должен подать сигнал. Мне нужно выжать из него еще хоть слово.

– Ты ведь понимаешь, что я не смогу принадлежать тебе после всего, что ты сделал? – шепчу я, подаваясь к нему.

– О, ты удивишься, как быстро женщины забывают обиды, когда на кону стоит комфорт и жизнь близких, – Завьялов смеется, и этот звук бьет по моим натянутым нервам, как хлыст. – Ты станешь очень послушной, Алиса. Потому что иначе твоя маленькая сестра Соня... она ведь так любит десерты, правда? Будет жаль, если ее диета в больнице резко изменится.

Тварь. Какая же он тварь.

Внутри меня что-то окончательно обрывается. Страх исчезает, оставляя место лишь кристально чистой ненависти. Я смотрю на него и вижу не всемогущего магната, а мелкого, трусливого стервятника, который способен только на шантаж и удары в спину. Руслан никогда бы не тронул ребенка. Руслан сражался лицом к лицу. В этот миг я осознаю, что люблю своего мужа-монстра больше всего на свете именно за это крупицу чести, которую он сохранил в своем аду.

– Тебе не видать акций, Артур, – произношу я четко, глядя ему в зрачки.

Его лицо мгновенно искажается. Маска благожелательности слетает, обнажая гнилое нутро.

– Что ты сказала, дрянь?

– Я сказала, что ты проиграл, – я медленно достаю руку из-под его ладони. – Весь наш разговор записан. Каждое твое слово о шантаже, об отце, о подкупе следствия. Тимур уже передает записи прокурору. Твоя империя сгорит быстрее, чем ты успеешь допить этот виски.

Завьялов замирает, его глаза расширяются от ярости. Он замахивается, и я уже готова перехватить его руку, готова пустить в ход нож, но в этот момент на столе оживает его телефон. Резкий, вибрирующий звук разрывает тишину. Артур вздрагивает и хватается аппарат.

Я вижу, как краска медленно отхлынула от его лица.

Он слушает, и его губы начинают мелко подрагивать. Он бледнеет, становясь цвета того самого линолеума в больнице, где я сидела у кровати сестры. Его взгляд, полный животного ужаса, медленно поднимается на меня.

– Нет... – хрипит он, и телефон выпадает из его ослабевших пальцев, ударяясь о край стола.

– Что случилось, Артур? – я чувствую, как паника начинает шевелиться в моем собственном животе. – Твои люди в клинике не отвечают?

– Ты... ты думала, что самая умная? – он издает сухой, каркающий смешок, который больше похож на хрип умирающего. – Ты затеяла игру с огнем, девочка. Мой человек только

что сообщил... Твой ненаглядный Руслан... он совершил побег. При перевозке из СИЗО в суд. Устроил бойню прямо на мосту.

Мир вокруг меня замирает. Звуки ресторана исчезают, оставляя лишь этот хриплый голос.

– И что? – выдыхаю я, боясь услышать ответ.

– То, что полиция ввела план «Перехват», Алиса. У них приказ стрелять на поражение. Волков ранен, он заблокирован где-то в промзоне. И знаешь, кто навел их на его след? – Завьялов скалитя, и в его глазах вспыхивает торжествующее безумие. – Мой человек, который следил за твоим Тимуром. Ты так спешила спасти папочку, что вывела всех крыс из нор.

Он подается вперед, и его слова бьют меня наотмашь, лишая возможности дышать.

– Ты только что убила его, Алиса. Своей «умной» игрой ты подписала ему смертный приговор. Он не сдастся живым, ты это знаешь не хуже меня. Поздравляю. Ты вдова.

Кровь отхлынула от моей головы, и перед глазами поплыли черные пятна. Этот человек. Этот монстр. Он лжет. Он должен лгать!

Руслан не может умереть.

Я вскакиваю, опрокидывая стул, и бросаюсь к выходу, не разбирая дороги. В ушах пульсирует его имя, а сердце заходится в безумном ритме, разрывая грудную клетку. Я бегу мимо ошеломленных официантов, мимо запаха лилий, который теперь кажется мне запахом конца. Если он погибнет из-за моей попытки переиграть Завьялова, я никогда не прощу себе этого.

Только не он.

Только не сейчас, когда я поняла, что он — единственный, кто мне нужен в этом проклятом городе.

Глава 5

Штаб-квартира «Монолита» тонет в панике. Воздух здесь пропитан запахом дешевого адреналина и перегретых серверов. Снаружи, за панорамным стеклом сорокового этажа, Москва превратилась в пульсирующий очаг тревоги. Синие и красные огни полицейских мига-лок разрезают ночную мглу, смыкая кольцо вокруг здания. Они ищут его. Они ищут Руслана. Я чувствую, как вибрация города передается через подошвы моих туфель, поднимаясь по ногам ледяным оцепенением. Каждый телефонный звонок в приемной звучит как выстрел, разрыва-ющий остатки моего самообладания. Я стою в центре этого цифрового ада, кутаясь в его тяже-лый черный пиджак, который всё еще хранит едва уловимый приятный аромат и опасности.

Сердце бьется о ребра, как пойманная птица.

Двери кабинета распахиваются с грохотом. В помещение вваливаются трое мужчин в серых костюмах — директора правления, те самые стервятники, которые еще вчера заискива-юще улыбались Руслану. Сейчас их лица искажены смесью страха и наглости. Предводитель этой стаи, лысеющий мужчина с опухшими веками, делает шаг ко мне, размахивая какими-то бумагами. Его голос дрожит, но в нем слышны металлические нотки запоздалого бунта. Они почувствовали слабость. Они думают, что вожак пал, и пора делить добычу.

– Алиса Михайловна, это безумие должно прекратиться! – орет он, брызжа слюной. – Ваш муж — беглый преступник! Полиция требует выдачи всех архивов! Акции обвалились на тридцать процентов за час! Вы должны немедленно подписать приказ о передаче полномочий совету директоров!

Я смотрю на него и не чувствую страха.

Только холодное, кристально чистое презрение. Внутри меня что-то окончательно оже-сточилось после разговора с Завьяловым. Я больше не та девочка, которая плакала под дождем, умоляя о пощаде. Я — жена Руслана Волкова. И если этот город хочет войны, он ее получит. Я медленно поправляю рукава мужского пиджака, чувствуя, как ткань обволакивает мои плечи, словно броня. Мой взгляд пригвождает директора к месту, и он запинаясь на полуслове, блед-нея на глазах.

– Вон отсюда, – мой голос звучит пугающе ровно. – Если я увижу вас здесь через тридцать секунд, СБ вышвырнет вас через окно. А полиция... пусть ждет.

Они пятятся, бормоча проклятия, и исчезают за дверью.

Я остаюсь одна на несколько мгновений, пытаюсь унять дрожь в пальцах. Первым делом я сбрасываю ненавистные туфли на шпильке и узкое шелковое платье. В гардеробной Руслана находится запасная одежда — я быстро натягиваю темные джинсы, простую футболку и старые кеды, затягивая шнурки тугим узлом. Готовлюсь к войне.

Власть — это не привилегия, это ответственность, за которую приходится платить кро-вью.

Руслан учил меня этому каждым своим жестом, каждым жестким приказом. Сегодня я возьму эту власть в свои руки целиком, без остатка. В кабинет входят Макар и Тимур. Макар выглядит так, будто не спал неделю: волосы взъерошены, под глазами залегли черные тени. Тимур же, напротив, собран и напряжен, как взведенный курок. Его рука постоянно лежит на кобуре, а взгляд сканирует каждый сантиметр пространства.

– У нас мало времени, – Макар падает в кресло, не дожидаясь приглашения. – Силовики готовят штурм. Они уверены, что Руслан прячется здесь или свяжется с нами через закры-тые каналы. Завьялов купил половину городского управления. Нас зажимают со всех сторон, Алиса.

Я подхожу к столу Руслана и опираюсь на него ладонями.

– Плевать на полицию, – отрезаю я, глядя прямо в глаза Тимуру. – Игнорируйте их требования. Забаррикадируйте нижние этажи, если нужно. Нам нужен «Тихий берег». Прямо сейчас.

Тимур хмурится, его лицо становится похожим на гранитную скалу.

– Алиса, это самоубийство, – его голос рокошет, наполняя кабинет угрозой. – Если я сниму людей с охраны периметра и отправлю их на налет в клинику Завьялова, ты останешься здесь одна. Без защиты. Руслан приказал мне беречь тебя ценой собственной жизни. Я не могу оставить тебя в окруженном здании.

Я выпрямляюсь, и во мне закипает ярость, которую я раньше в себе не знала.

– Тимур, послушай меня очень внимательно, – я сокращаю дистанцию, заставляя его смотреть мне в глаза. – Если ты сейчас же не поедешь за моим отцом, я сяду в машину и поеду туда сама. Одна. С этим крошечным пистолетом, который ты мне дал. И тогда Руслан точно найдет способ выбраться из ада, чтобы лично снять с тебя кожу за то, что ты меня отпустил. У тебя есть выбор: спасти тестя своего босса или смотреть, как я иду на верную смерть.

В кабинете воцаряется звенящая тишина. Тимур смотрит на меня долго, тяжело, и я вижу, как в его глазах отражается понимание. Он видит во мне тот же холод, ту же безумную решимость, которая всегда вела Руслана. Я больше не пешка. Я игрок. И он это признает. Его плечи едва заметно опускаются, и он коротко кивает, признавая мое лидерство.

– Принято, босс, – выдыхает он, и в этом обращении я слышу искреннее уважение. – Выдвигаемся через пять минут. Макар, остаешься за пультами. Глуши всё, что движется.

Макар уже стучит по клавишам ноутбука, его глаза светятся азартом хакера, дорвавшегося до запретного плода.

– Завьялов пустил новость, что Руслан — сумасшедший маньяк, – бормочет он, не отвлекаясь от экрана. – Все федеральные каналы крутят его фото. Это конец репутации, Алиса. После такого «Монолит» не отмоется десятилетиями. Он бьет под дых.

Я чувствую, как губы растягиваются в горькой ухмылке.

– Значит, мы ударим в ответ, – я беру трубку внутренней связи. – Соедините меня с главой пресс-службы. Живо!

Через секунду в трубке раздается испуганный голос женщины из пиар-отдела. Я не даю ей вставить ни слова. Мои приказы звучат как хлесткие удары нагайки. Мы используем все ресурсы «Монолита», чтобы вбросить в сеть компромат на клинику «Тихий берег». Незаконные эксперименты над людьми, похищения, удержание политических заключенных — у Макара в архивах достаточно грязи, чтобы поднять на уши всю страну. Это создаст идеальную дымовую завесу. Полиция и пресса переключатся на Завьялова, пока наши отряды будут штурмовать его логово.

– Делайте это сейчас, – приказываю я. – Залейте это на все платформы. Купите все рекламные места. Город должен говорить только о грехах Завьялова.

Я кладу трубку и чувствую странную легкость.

Страх ушел, оставив место пустой, выжженной земле. Я смотрю, как Тимур отдает последние указания по рации своим бойцам. Они уходят. Тяжелые шаги затихают в коридоре, и я остаюсь в огромном кабинете одна. Огни Москвы за окном кажутся холодными искрами в черном костре. Я подхожу к столу Руслана и сажусь в его массивное кресло. Оно всё еще хранит тепло его тела. На полированной поверхности лежит его любимая ручка — тяжелая, из чистого золота, со вставкой из черного оникса.

Я беру ее в руку, ощущая приятную тяжесть металла.

Мои пальцы сжимают холодное золото так сильно, что костяшки белеют. Я смотрю на чистый лист бумаги перед собой и понимаю, что только что отправила людей на бойню. Я хладнокровно пожертвовала безопасностью здания ради призрачного шанса спасти отца и отвлечь внимание от Руслана. Я начала мыслить как он. Категориями потерь, стратегии и безжалост-

ных ударов. Мой внутренний голос, который раньше шептал о морали, теперь молчит, забитый под плинтус необходимостью выживания.

Это осознание пронзает меня острой иглой ужаса.

Я превращаюсь в монстра. В зеркальную копию своего мужа. И самое страшное — это не пугает меня так, как должно бы. Я готова сжечь этот город дотла, если это поможет мне снова почувствовать его руки на своей талии. Если это спасет Соню и вернет отца. Любовь не делает нас лучше. Она просто делает нас опаснее. Я закрываю глаза, и передо мной всплывает лицо Руслана — его шрамы, его колючий взгляд, его едва заметная улыбка. Где он сейчас? Ранен? Окружен?

– Живи, Руслан, – шепчу я в пустоту кабинета. – Пожалуйста, просто живи.

Тишина в ответ кажется издевкой. Я открываю ящик стола и нахожу там запасную обойму. Мои движения становятся автоматическими. Я проверяю патроны, ощущая их гладкую поверхность. Я не знаю, чем закончится эта ночь. Возможно, через час спецназ выбьет эту дверь, и я закончу свои дни в бетонном мешке. Но пока у меня есть власть «Монолита» и эта золотая ручка, я буду бороться. Завьялов думал, что я — слабое место Волкова. Он ошибся. Я — его самое смертоносное оружие.

Я ставлю подпись на приказе о мобилизации всех резервов.

Росчерк пера кажется мне последним мостом, который я сжигаю за собой. Пути назад нет. Есть только этот кабинет, этот город, погруженный во тьму, и я — женщина, которая только что продала остатки своей души ради спасения тех, кого любит. И это знание обжигает меня изнутри жарким, торжествующим пламенем.

Глава 6

Я сижу в кресле Руслана, сжимая рацию так, будто это последняя нить, связывающая меня с миром живых. Пальцы ноют от напряжения, костяшки белеют. Каб

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.